

МОРОШКА

«**М**орошка любит ножки», — говорят в народе. И это так. Пойти на болото за морошкой лучше с хорошим проводником, иначе набегаешься в поисках ее так, что и до дому не доберешься. Назревает она в жаркие июльские дни. Если в июне морошка хорошо цвела и цвет не обдул ветер, значит с двадцатого июля можно идти искать знатоку морошечные пластины (места, где ее как насыпано). В пору детства моего делала это всегда моя мама. Домой возвращалась счастливая: «Завтра пойдем, морошки много».

Глаза ее светились неведомым мне тогда огоньком в предвкушении завтрашней удачи.

Приводила мама нас с братом на готовые ягоды — только бери. А сама уходила на дальние пластины. Но прежде привязывала белый платок повыше на деревце, чтоб видать его было издалека. Спрашивала: «Откуда мы пришли?» И мы дружно показывали в домашнюю сторону. А мама продолжала: «Домой пойдем с этого места потом. Далеко от платка не уходите».

Оставшись одни, мы не могли не поддаться соблазну полакомиться вкусной ягодой и только тогда принимались за работу. Набрать ведро морошки не так сложно. Труднее было нам, детям, выйти с ним, заполненным, обратно. Поэтому распределяли по пятилитровому бидону на руку. Для меня припасали поменьше. В первые дни морошку брали все больше рохлую (недозревшую), темно-красного цвета, твердую. Она по-своему вкусна, особенно в молоке. Ее трудно отщипывать от стебля и листочков, которые сжимают ягоду, как пальцы рук в кулачок. С каждым днем морошка наливается соком, становится мягкой, тающей во рту. Листочки подсыхают, скручиваются — и вот она, царь-ягода, янтарная морошка, вся, как на ладошке. Только складывай ее в ведро, да не мни, а то превратится она в однородную мягкую массу. Да смотри зорко, не зевай, ворон по сторонам не считай, потому что чаще начинают встречаться на ягодах болотные зеленые клопы из-за жара июльского. Такие ягоды в ведро к себе не клади.

Пробудешь на болоте больше трех часов, начинает ломить ноги от того, что в резиновых сапогах. В другой обуви здесь не появишься. Можно постоять босиком в прохладной болотной воде. Помогает.

Легче брать морошку в ветреный, сухой день, меньше комаров и мошек.

К обеду обычно вся наша посуда была заполнена. Возвращались в деревню с остановками на отдых. Ноша тяжела, а идешь весело. Только поставишь ведра на поветь (коридор темный, без окон), мчишься на речку купаться. Усталость как рукой снимет. К Ильину дню (второе августа) набирали царственной ягоды столько, что хватало на целую зиму. Постоянно к обеду мама заносила с погребца чашу морошки, посыпала ее сахарным песком, заливала холодной водой. Вот и блюдо на десерт. А еще просыпались иногда утром и сразу чувствовали с кухни запах морошечных пирогов, что затевала мама. Вкус у них сказочный. В хорошее лето (урожайное) и по сей день ходим за морошкой. Мамина школа. Любимое место — у природного не замерзающего зимой источника, который называем мы Золотым ключиком. Вода в нем чистая, светлая. Рядом болото Шумное. Морошки там немного, но она отменная, как на подбор. Восемь километров до того болота, а бежишь за ней, ног не жалеешь.

Более сорока лет разделяют меня теперь с тем временем, когда за морошкой детьми водила нас мама. Нет-нет, да и нахлынут воспоминания. Будто снова качается под ногой болотная зыбь, будто слышишь, как говорит нам мама:

— Не ходи на болоте в те места, где чернеет. Болотные колодцы. Засосет.

Снова и снова крутятся в голове строчки, как на заигранной пластинке:

«...Ах, повсюду морошковый цвет.

По болоту за мамой вслед.

Мы ведро за ведром

С наливным янтарём

Выносили на белый свет.

Как на воле гулял гнедой.

На зелёной траве молодой.

На спине без седла,

Да на гриве рука.

Я неслась, мне казалось, домой.

По-зо-ви! Привечай.

Встречу мне назначай.

Я вернусь!

На рассвете встречай».

Но никто не позовет, не приветит. И несется тот конь без меня, от меня.

ОЙ ВЫ, КОНИ!

Все его звали просто Капитонычем и редко кто по имени-отчеству — Алексеем Капитоновичем. Был он человеком простым и свойским. Особенно словоохотлив был с теми, кто приходил к нему ранним утром за лошадью на конюшню.

Вот уж тут, брат, погоди, ты сначала поговори со мной, а уж потом получишь лошаденку, худую ли, добрую ли. И никто на него в обиде не был. Удивительное дело, но беседа затягивала пришедшего настолько, что он становился более открытым, чего раньше за собой не замечал. Капитоныч за разговором выкуривал одну папиросу за другой, заметно теплел к собеседнику. Молча поднимался он со скамьи, обходил ряд лошадей, похлопывая их по бокам, по шее. Наконец, останавливался возле той, которую считал более подходящей для работы на сегодня. А новоиспеченному извозчику, выдавая упряжь и хомут, говорил:

— Сильно не гони. А как приедешь, часа два воды не давай.

В словах его угадывалась обеспокоенность за лошадь, легкое недоверие к тому, в чьи руки он ее передавал.

С раннего детства был привязан Капитоныч к лошадям. Обучение грамоте его не прельщало, зато на конюшню тянуло как магнитом. Припасенную крошку хлеба или клочок сенца с кулачок тасил он своим любимицам. Конюх не гнал мальчишку, наблюдая, с какой любовью тот помогает ему ухаживать за лошадьми. Впоследствии много где довелось поработать Капитонычу, но дорожка снова привела к любимому делу. И вот уже он сам стал заведовать совхозной конюшней и не смог или не захотел потом передавать своих питомцев уже никому. Заботился о подопечных, не зная сна и покоя. В половине четвертого утра бежал на конюшню. Не мешали ему ни морозы, ни метели, ни грозы, ни дожди.

Шумно было у Капитоныча на конюшне в красном уголке. Распекались все о том же, давно наболевшем. Тяжело доставалось разнорабочим на сенокосах, а расценки занизили, дальше некуда. Какое тут желание будет идти на работу? И Капитоныч поносил начальство не меньше других. Сам управляющий отделением да бригадиры к осени выкроют себе премиальные — это уж как водится. А простой смертный скудные десятки получай. Где справедливость? На общем же собрании перед самым сенокосом Капитоныч промолчал, как воды в рот набрал. Утром на разводе заседали на него, как, мол, так? Кто-то выпалил в лоб:

— А чему вы удивляетесь? Ему косилку новую конную выделили этой весной, он и рот закрыл. Пуще прежнего работать будет. Так ведь?

Капитоныч усмехнулся в ответ.

«Не для себя просил, для вас же», — подумал он, но промолчал.

Весело шел по жизни Капитоныч, не унывал. Все с шутками да прибаутками говорил. Любил заливать о курьезах, что с ним случались. Самое интересное то, что все они хоть чуточку были связаны с лошадьми. Непременно! В деревне его так и стали воспринимать — неотрывно от них, как одно целое. Раз поехали с мужиками в лес. То ли за дровами, то ли за сеном снарядились. Молчат все. Лошади похрапывают, снег под полозьями хрустит. Капитоныч вдруг и говорит, да громко так: «Ай да березки! Ай да березки». Переглянулись. Что такое? С каких это пор Капитоныч красоту стал замечать? А Капитоныч и бухнул, будто мысли их прочитал: «Ай да оглобелки¹ стоят!» Так и покатались все со смеху.

Любил вспоминать особо о том, как медведя в лесу встретили. История становилась с каждым разом длиннее, из чего нельзя было уже понять, где правда. Но слушали с удовольствием. Ехали они тогда с сыном Михаилом, с дальних сенокосов возвращались верхом на лошадях. Только на бор поднялись. Опомниться не успели, медведица с двумя малыши из-за поворота вываливается. Остановилась, оскалилась. Не то что душа в пятки ушла, соображать перестали. Хорошо еще кони под седлом не дичали. Поводья туго натянули, а удержали их. Почувствовал Капитоныч, как от ужаса такого, сковавшего тело и язык, поднимается на голове шапка вверх, видать, волосы дыбом встали.

— Тут-то, — любил рассказывать Алексей Капитонович, — я и опомнился. Слава тебе господи, и язык развязался. Шапку рукой прихлопываю, а она ж нет, уши щекочет, да обратно вверх лезет. Кой леший, ты, говорю, поднимаешься? Я тебе... Медведица, как услышала голос человеческий с крепким матом, застыла на месте. Что уж в ее медвежью голову взбрело, а только сграбила она в охапку косолапых карапузов, шлепнула их по очереди, чтоб

¹ Один из двух длинных брусьев в экипаже, укрепленных концами на передней оси и служащих для запряжки лошади.

валили отсюда. А сама развернулась на месте, как балерина, девчата так на танцах не вертятся, клочья земли в нас полетели, и бежать. Понукнули и мы лошадей, в деревню поскакали, а в себя прийти не можем. Мне-то что, я пожил на белом свете. За Михаила испугался, что он еще видел в жизни, парень молодой.

А любимчиком из детей у Алексея Капитоновича был, конечно, младшенький Сережа. Знали об этом в семье, никто на отца не обижался. Отличался Сережа от других детей или это только казалось Капитонычу... Улыбчивый с ямочками на щеках, с белыми волосиками в кудряшку, сын больше походил на ангелочка, чем на обычного мальчика. Научил его отец играть на гармошке, когда тому и лет-то было шесть-семь. Посадит его на приступок (ступеньку) у русской печи перед гостями, ремни поможет надеть, скажет:

— Давай-ка, Сережа, сыграй нам «Русского».

Развернет мальчишка гармошку и пальчики по кнопочкам забегают, не уследишь. Так славно заиграет, женщины в пляс пойдут. Частушку за частушкой, как орешки перещелкают. Сережа — головка поднята — смотрит на них, смеется, играет себе. Капитоныч вскочит, Сережу за плечики легонько потреплет, скажет:

— Играй, играй, Сережа!

На скамью обратно сядет, да недолго усидит. Гордость за сына его так и распирает.

Шел июнь. Сережа оканчивал девятый класс. Оставалось отработать практику и можно смело отправляться домой. Свобода! Отдохнуть от учебников и учителей, от звонков и перемен, от школы. С каждым днем солнце припекало все сильнее. «Эх, дома сейчас хорошо! Лошадей на волю отпустили. Папка наверняка порядок на конюшне наводит, помочь бы ему. Приеду, мама шанежек картофельных напечет», — каждый вечер думал он после отбоя. И тут, как под руку, о том же самом заговорил с ним Пашка, однокашник, из той же деревни.

— Слушай, Серега, так домой хочется. А не сходить ли нам завтра?

— Ну ты даешь, сходить! Не на одной стороне живем. Через реку как попадем?

— Теперь лодки ходят. Подождем за рекой, а как поедет кто-нибудь, будем махать. Перевезут.

— Попробуем. Я, честно, и сам об этом подумывал.

На том и порешили.

Засыпал Сережа почти счастливым. «Папа с мамой удивятся. Скажут, откуда это вы, ребята, взялись? Как снег на голову». Одно досаждало и немного портило настроение. Все-таки он сомневался, повезет ли им удачно перебраться через реку? Можно и полдня прождать лодку напрасно. Как же они тогда к вечеру смогут вернуться в интернат?

Наутро погода выдалась пасмурной. Ребята шагали весело в домашнюю сторону. Отмахать пятнадцать километров для них было пустяком. С половины пути стали набегать тучи, задул холодный ветер, пошел дождь. Через каких-то пятнадцать минут одежда Пашки и Сереги намокла. К дождю примешался град, больно бил по щекам. Совсем было отчаялись, что так неудачно все вышло и возвращаться теперь далеко. К немалому удивлению обоих, увидели они лодку рыбацкую, кем-то оставленную как раз на этом берегу. На ней можно было переплыть на домашнюю сторону, а там по прямой дороге до деревни недалеко. Волны на реке ходили белыми гребнями, но это не остановило ребят. Думалось им, что как разыгралась непогода непонятно от чего, так она и закончится скоро и вдруг. Весел в лодке не оказалось. Вместо них подхватили палки в лесу, да и те некрепкие. Ящиком отчерпали лишнюю воду и видели, как через щели она струйками заливается в лодку обратно. Но не придали этому значения. Понадеялись в спешке: «Успеем переехать». Хотелось поскорее оказаться в домашнем тепле. Пашка стоял уже наготове с шестом самоделкой в носу лодки. Отталкивая ее, Сережа крикнул:

— На песчаную косу гребни. Здесь расстояние короче.

Поначалу казалось, лодка быстро пошла от берега. Сила, с которой она была оттолкнута, еще держала скорость. Но она быстро иссякла, и волны, хлеставшие по бортам, таскали лодку, как корытце. Ребята что есть силы гребли худенькими шестиками, надеясь пробиться сквозь стихию к заветной цели.

А ветер диким зверем набрасывался на них, приходилось держаться за борта и присаживаться, чтобы не выпасть в воду.

— Обратнo! Давай обратнo! — кричал Пашка Сереже. Руки коченели, и он не заметил, как шестик выпал у него.

— Нельзя, Пашка! Нас зальет.

Но было уже поздно. Отчерпывать воду не успевали, и лодка опрокинулась. Ноги хватали дна. С трудом, но смогли они повернуть лодку обратно. Сережа потянул ее к берегу за нос. Пашка же схватился сзади за корму, силы оставляли его.

— Мы погибнем! — кричал он, едва передвигая ноги, слабо подчиняющиеся его воле. Временами, казалось, Пашка просто повисал на лодке. Без опоры на нее и этого сделать он бы уже не смог.

— Молчи, Пашка, молчи.

Наконец, дотащились до берега, во что еще минуту назад не верилось совсем. Причалив лодку, Сережа сказал:

— Иди скорее в избу, сейчас и я поднимусь.

Капитоныч пришел на обед. Уселся за столом у окна на свое хозяйское место. Семья была в сборе. Жена хлопотала у печи, разливая суп по тарелкам. Разговор, понятное дело, зашел у них об оказии, что творилась за окном.

— Ты смотри, Катерина, что делается?! Это когда в июне такое бывало? Сегодня только смерть на воде искать. Больше и берегов не видно стало.

— Не приведи господь никому грешному в этакую погоду на реке оказаться! — и Катерина перекрестилась.

Отобедав, Капитоныч прилег отдохнуть, как обычно. Сон быстро сморил его. Набегался с лошадьми сегодня, намучался с ними. Всех загнал обратно в конюшню. Нечего им при такой погоде на улице искать. Разбудил его шум в доме. Зашел на кухню. Лица у всех были озабоченными. У порога стояла Дина Владимировна, редкая гостья в их доме. С чего бы это она здесь?

— Алексей, — начала Дина Владимировна с остановками, будто собиралась с духом, — Алеша! Я пошла сегодня в баню, белье замочить. Открыла дверь, а на полку Пашка мой лежит. Домой они шли с Сережкой твоим еще утром...

Она тяжело дышала, с растрепанными из-под платка волосами, бледная. Капитоныч усадил Дину на стул.

— Ничего от него добиться не могу. А только сказал, что Сережа на устье Суллы остался. Лодка у них, что ли, перевернулась.

— Да как это остался? Где? На берегу? В избе? — спрашивал еще Капитоныч в надежде услышать хоть что-нибудь

вразумительное. Но так ничего и не добившись, уже одеваясь, скомандовал Михаилу: — Седлай лошадей. Я берегом поеду, а ты ближней дорогой напрямую.

Михаил проскакал по деревне. Ни на кого не глядя, пристегивая летевшего и без того во весь опор коня, скрылся он за пеленой серого дождя. Все, кто видели его, не могли не уловить необъяснимой, нависающей беды. «Может, еще жив»? — стучала одна единственная мысль в голове. Маленькая надежда на лучшее, как струнка натянулась в нем. Тронь ее и оборвется. Вот и летняя дойка близко, загон, дом на горе для доярок и пастухов. Михаил заглянул в избу. «Наверняка сюда Сережа зашел погреться». Его встретила тишина. В комнате было сумрачно, холодно, сыро. «Сережа, Сережа», — окликал Михаил. Проверил все углы, в последнем пискнула мышь. Снова на улицу и к реке. «Сере-е-ежа-а!» — сквозь ветер звал он брата. Бежал возле воды направо. Никого. Ни следочка! Повернул налево, успевая на ходу смотреть и на реку, и на склон горки вверх. «А если ушел в лес? С чего начать? Искать откуда? Где-то упал?» — спрашивал сам себя Михаил, не уставая кричать что есть сил. И тут подоспел отец. Не дойдя до Михаила метров двадцать, конь под ним споткнулся, заржал. Соскочил Капитоныч с седла, вместе с Михаилом кинулись они в сторону. На песке в низине лежал Сережа, свернувшись калачиком.

— Сережа, Сереженька! — запричитал Капитоныч. Михаил опередил отца. Издали заметил он синеющие скулы брата. Отец за плохим зрением заприметить этого сразу не мог. Тело Сергея не один час уже мокло под дождем и снегом. Сырая тонкая рубашка застыла на нем песчаной коркой. Вода струйками стекала с грязных волос под голову.

— Ну же, Серега, вставай! — подхватывал Михаил его со спины, чтобы поднять. Безжизненное тело Сережи выскользывало и мертвым грузом падало на прежнее место в яму. Хотя какая это яма? Так, ямка. А подняться из нее Сережа уже не смог. Ноги, видимо, судорогой свело. Вокруг все было изрыто, камни сбиты с места. Руками рыл, ползком на горку царапался. Потом уже, когда Сергея привезут домой, станут раздевать, чтобы обмыть тело, увидят, что и руки его по локоть были искусаны в кровь.

Так надеялся он почувствовать их в последние минуты своей жизни. Михаил совсем забыл об отце. Сначала-то видел, что он находился у тела Сергея и все накидывал на него фуфайку. Лепетал невнятно:

— Где твоя куртка, Сережа? Закройте его, он замерз.

Михаил оттолкнул Капитоныча, как во сне, чтоб тот не мешал, и забыл о нем. Сам не знал, сколько прошло времени, когда обессиленный, опустился на камни. Услышал из кустов странный звук то ли воя, то ли плача и понял: отец! Сердце защемило от жалости. Не сломался бы батя!

Схоронили Сережу. Днем и ночью перед глазами сын стоял. Куда бы ни шел Капитоныч, что бы ни делал, всюду — он, он, он! А тут выпили с мужиками чуть-чуть, думал, хоть на время забыться. И в самом деле как будто легче стало. Пришел домой, лег, дрема навалилась, как в яму проваливаться стал. А из ямы той голос Сережи: «Папка, тяжело мне. Отрой земельку». Вскочил Капитоныч, метнулся во двор за лопатой и с ней на кладбище побежал. Жена сзади, а за ней и остальные, кто дома оказались. На улице, на виду у людей, лопату отбирали и все его обратно тащили. Лежал он тогда вниз лицом на диване и выговаривал жене, захлебываясь слезами и обидой:

— Катерина, отройте могилку Сережину. Живой он там. Слышишь ты меня, нет?

Катерина гладила его руки, волосы, клала свою головушку ему на плечо:

— Ты плачь, Алеша, плачь. Может, тебе легче станет.

Подходил сороковой день. И надо было на Сережиной могилке доделать ограду. Зять Иван решил спросить Капитоныча, не пойдет ли и он с ними на кладбище. Алексей Капитонович к всеобщему удивлению быстро согласился. Не рассчитывали уйти надолго, а работа затянулась. Со стороны деревни изредка доносился лай собак. Устанавливали дверцы на петлях, выравнивали землю. Капитоныч закурил, опершись об ограду. Тревога овладевала им постепенно, крадучись. Он чувствовал, как все его тело охватывает непонятный холодок. Сказать об этом сыну или зятям было неловко. Капитоныч вертел головой машинально, будто искал кого-то. И вдруг он увидел, как мимо него, поднявшись

на крутую горку, неслышно скачет всадник. Был он в шляпе с полями, в развевающемся за спиной плаще. Приблизившись к Капитонычу, всадник чуть наклонил голову, будто хотел заглянуть ему в глаза. Лица его было не разобрать, вместо него всего лишь расплывчатое белое пятно. «Ах ты боже!» — схватился за грудь Капитоныч, беззвучно открывая и закрывая рот, как задыхающаяся рыба. «Что же это?! Душа Сережина улетает? Никак на меня посмотреть захотел». Рубашка на нем взмокла, хоть отжимай. Ватные ноги предательски подрагивали. Перекрестился. Всадник исчез. Подождав с минуту, Капитоныч сказал тихонько:

— Ну! Чего вы там долго? Кто ночью работает? Домой пора.

И первым пошел по дорожке, боясь обернуться. Превозмогая себя, тащился бессознательно, лишь бы мужики не заметили, что с ним что-то не так. А они-то как раз таки видели, как сменился в лице Капитоныч, да молчали. Захочет, сам расскажет, чего с вопросами лезть.

Ночью Капитоныч мало спал. Настенные часики тикали в тишине, отсчитывая время вперед. Думы наваливались одна за другой. Уже и зорька поднималась, а он все терзался, и поделиться было не с кем, какая тяжесть легла на душе. В груди ныло, терпел, ничем себя не выдавая. Пусть думают, что он спит. Давно ли напугал всех своих?

Был до сего дня Капитоныч, как в тумане. А с сороковин — замечать люди стали — переменялся он, будто в себя пришел. Как бы ни было горе велико, а жить-то надо. Взгляд приободрился, оживился. Плечи расправил. Да и голос его опять зазвучал в разговорах в правлении, на конюшне. Сережа теперь у сердца, на семи замках от людского слуха и людского глаза. Отмычка от них для него одного ведома. Остался с болью наедине, не плакался, не жаловался. Нес свой крест терпеливо.

Трагедия, случившаяся с Сергеем и Пашей, отзовется эхом через много лет. В ноябре, когда намерзал лед, но был еще некрепок, играли дети у реки: пятилетняя Таня, дочь Паши, и Илюша, братец двоюродный. Не досмотрели взрослые, не хватились вовремя, где их дети в позднее время. Начинало темнеть. Таня случайно вышла на краешек забереги, ледок обломился, она и ухнула в воду. Течением подхватило ее и быстро стало сносить. Илюша

бежал следом по берегу, но чем мог помочь он, сам ее возраста. Таня кричала ему уже издалека: «Илюша, мне холодно! Илюша!»

«Таня! — отзывался он ей. — Сейчас я сбегаю за мамой». Долго еще краснело ее маленькое пальтишко над водой, а увидеть его было некому.

Поиски Тани результатов не дали ни в первый день, ни потом. Капитоныч, искавший девочку с остальными до последнего, пока не осталось уже никакой надежды хотя бы тело предать земле, сокрушался:

— За что? За что дитя невинное пострадало? Господи, за что? Видно было, как всколыхнули его память воспоминания. Но теперь весь он проникся сочувствием к Паше, глубоко пожалел его.

Спустя три года со дня смерти Сережи дочь Алла вернулась из города и не одна, с дитем на руках. Поначалу-то, ясное дело, не знали с женой, как и быть. Привечать дочь с объятиями не станешь, с чего бы это? Жила, работала в Ленинграде и на тебе, здравствуйте, пожаловала с подарком. Допытываться тоже не стали, что да как. Тут и без слов понять можно, не заладилась жизнь у девки в городе. Мальчонка оказался шустрым. Ни свет ни заря поднимал всех громким плачем, требуя молочка и сухой пеленки. Один день походил на другой в хлопотах с малышом. Капитоныч оставался в стороне, не толкался вместе с женщинами возле маленького. Вскоре розовощекий толстячок в кроватке бойко сучил ручками, ножками, громко гукал, когда наклонялся над ним дед с погремушкой. Алешенька был темноглазый, южных кровей, ничем не походил он на Сережу в младенчестве со светлыми волосиками. Но однажды за игрой с младенцем заметил Капитоныч, как что-то знакомое промелькнуло в чистом взгляде его. Сердце зашло, боялся поверить. «Вот он в ком отозвался, Сережа мой». Капитоныч носился теперь с Алешенькой, как только выпадала свободная минута, брал его на руки, целовал. И покатилося время с радостями и слезами, с буднями и праздниками, как будто жизнь заново началась.

Немного оставалось Капитонычу до пенсии. А он все так же впрягался в работу, как конь в повозку, и тащил на себе непосильный воз. Зимой на конюшне, летом отправлялся на дальние

сенокосы. Мог бы и отказаться в силу возраста и появившейся в последнее время боли за грудиной. Вот тут-то и вся загвоздка у Капитоныча выходила. Он рассуждал так: «Пожалуюсь, сразу от всех дел отстранят. А мне рано еще трутнем сидеть. Работнички, елки-палки, понадеяться не на кого. Сено будто деревянными руками ставят, не подсуетятся лишний раз. Луга зарастают, а скот по весне с голоду падает. Они и лошадей-то заморят, с них останется. Нет, голубушек моих я им не отдам. Да и Алешенька растет. Ничего, ничего, есть еще у нас порох в пороховницах».

Незаметно навалились девяностые годы, сметающие на своем пути привычные устои.

В последний раз обходил Капитонович свои сенокосные участки. Не знал он еще того, что не доведется ему больше вернуться сюда. «Вот ведь, — думал он, — наступило же времечко. Дали земли, кому сколько надо. Заводи корову, овец, а то и коня». Сколько бы он ни говорил семье: «Куплю коня», сам-то понимал: «Не смогу. Эх! Лет бы десять назад. Не то здоровье стало. Ушли года».

И сам себе не мог бы он объяснить толком, что терзало его длинными бессонными ночами. «Разве станет теперь молодежь за землю держаться, когда школы нет? Поставили людей перед фактом — закрываем и точка. Директор школы от людей узнал о закрытии. Это и есть, что ли, демократия, о которой все болтают? При коммунистах такого не было. Те все больше строили, хотя и на них обида осталась. Один ближний луг тогда у деревни был для частников, присада, и тот совхоз забрал. Для своей коровы траву украдкой собирали по болотам, лесам. В райисполком народ жаловался, да нет, они против партийных, оказывается, ничего не значили», — прокручивал он в голове, уставившись в темноте в потолок. Под левой лопаткой ныло, не переставая. «Не сегодня, так завтра отделение развалится. Хорошие хозяева сколачивают хозяйство, один к одному прикладывают, да все через труд и пот. А теперь? Каждый под себя подгребает, как бы кусок пожирней отхватить. Все не так идет. Поздно спохватились. Пропадет земля». Сколько раз за ночь он поднимался с постели, шел выпить холодной воды с колодца и останавливался на веранде покурить. Врачи запрещали ему это делать крепко-накрепко.

Подводило сердце, сам знал. Не один раз плох был. Верить отказывался. Доставал из пачки папироску, мял ее и бросал в урну. Пасмурные думки разъедали мозг, как червоточина. Не скрыться от них, не спрятаться.

Больше всего беспокоил Капитоныча приближающийся отъезд Алеши в город, к тетке. Парню шел тринадцатый год. А как закрыли школу, пошел учиться в ближнее село, жить приходилось опять в интернате. Все повторялось. Ничего хорошего это, конечно, не сулило. Снова переезды через реку в ледоход, в ледостав. Говорят, дважды в реку не войти, но кто знает? Бойся теперь за Алешеньку.

В своей семье, где кроме матери были отчим и младший братишка, Алеша никогда не занимал привилегированного места. И по сути, все это время он и так рос больше у бабушки с дедушкой, но их слово теперь не имело веса супротив материнского, как бы они ни хотели оставить Алешу дома. И через двадцать с лишним лет дом дедушки Алеша будет считать по прежнему своим вторым родным домом, навещая его в редкие приезды в деревню на несколько дней.

Молодая фельдшерица здоровалась, улыбаясь, накидывала на себя белый халатик, мыла руки, ловко готовила уколы и, подходя с первым шприцем, обязательно спрашивала:

— Ну, как вы сегодня, Алексей Капитонович? Легче вам, нет?

Чаще всего в ответ он мог просто махнуть рукой и протянуть:

— А-а-а...

Непроходящая тоска в глазах красноречивее слов позволяла понять, что махнул он на себя, как на пустой звон, уже не сегодня и даже не вчера, а где-то гораздо раньше.

— Как Грешищев? — спрашивал Капитоныч о Леониде Ивановиче и это единственное, что еще интересовало Капитоныча, кому он сопереживал. Леониду Ивановичу, как и Капитонычу, выпало пережить на своем веку смерть младшего сына Гриши. Погиб он, неся службу, по чужой халатности. С тех пор вернулся Леонид Иванович вместе с женой Ксенией в ее дом в родной деревне. И Гришу схоронили здесь же, на местном кладбище, рядом с дедами и прадедами. Сам Леонид Иванович слыл в округе человеком умным, рассудитель-

ным, большим знатоком крестьянского дела. Вместе с Ксенией и вторым своим сыном Александром ухаживали за каждым клочком земли с такой заботой, что все, что высаживалось по весне, к осени у них благоухало. Анатолий Иванович сделал ремонт в доме, расширил огород, завел скотину. Соскучились руки по домашней работе. Душа радовалась, что забот не убавлялось. Но не сбылось, как мечталось еще о многом. Беда уж ходила за ним по пятам. А имя ее — болезнь, тяжелая, неизлечимая.

Успокаивала Алексея Капитоновича в это утро Надежда, старшая дочь:

— Папа, ты ни о чем не переживай. Алеше будет хорошо у нас.

И в этом она не лукавила. Имея своих двух дочек, примут они с Иваном и Алешу за родного сына.

— Приедем, будем звонить тебе каждый день. Все наладится. Ты полегил, теперь соблюдай все. Главное, береги себя, пожалуйста.

Капитоныч сидел у стола, наклонившись, отстраненный, с потухшим взглядом, как окаменевшая глыба. Изредка отвечая дочери невпопад:

— Да, да.

Под ногами болталась большая, расплывшаяся тень. Наклонял ниже голову, и тень ползла вперед. Поднимал — и она подбиралась к ногам, охватывая их. «Что, жаба, думаешь, взяла меня? Как бы не так!» Выходя на веранду, сказал Алеше:

— Алешенька, поговорим еще.

И там спрашивал его, забывая, что задает один и тот же вопрос и во второй, и в третий раз подряд, сжимая Алешины руки и этим делая ему больно:

— Ты только скажи мне, Алеша, добровольно ли ты едешь? Скажи деду, не бойся. — Как будто надеясь услышать в ответ короткое слово «нет», которое успеет еще все изменить.

— Да, дедушка. Я сам, сам хочу ехать.

— Ну, что ж, коли так. Иди, Алеша, а я полежу тут, на свежем воздухе.

Дверь за Алешей закрылась. Минут через пять Капитоныч поднялся. В груди сдавило, сделалось невыносимо больно. Темная

тень опять заплывала под ногами. Они залипали в ней, как в мягком холодном болоте, становясь тяжелыми, пудовыми. Падая, успел увидеть, как крепкие, здоровые руки Сергея приняли его.

Капитоныч легонько погонял лошадей, взмахивая над тройкой запряженных плетью. Кони вздрагивали всякий раз, как только она со свистом взмывала вверх, и припускали в беге. Но скоро забывая о ней, не доставляющей им боли, снова переходили на ленивый шаг. В длинной рубаше, расшитой еще материнскими руками, с расшитым же поясом, в хромовых сапожках, Капитоныч стоял в белых креслах, будто молодцевался, как много лет назад, когда ходил в парнях.

Он то и дело похлопывал по гладким бокам скакунов вожжами незлобно, больше из пристрастий. «Ей-ей-ей!» — смеялся он. Ветер гулял в его волосах. Кони гнули шеи в сторону, чтобы взглянуть на бойцового хозяина, но упряжь не позволяла им этого сделать, и они, заряжаясь лихостью извозчика, раскуривали на галоп.

Знакомый голос позвал его: «Дедушка, что с тобой?» Капитоныч посмотрел вниз, откуда как будто донесся этот звук, и увидел сам себя лежащим на полу веранды возле дивана. Там царил суматоха. Внучка Оленька плакала над ним. Вокруг толпились жена, дочери, зять и кто-то еще. Алла спешила к дому фельдшерицы в одних носках, едва переводя дыхание. «Я умер? Я умер». Мысль о собственной смерти не удивила его, не испугала. На сердце легла пустота, не присущая ему ранее, а душа наполнялась покоем. Он плыл к облакам над рекой, лесом, озерами, не сожалея о тех, кто остался на земле.

Тихо стало вокруг. Ни голосов, ни смеха не услышишь. Два дня провожали земляки в последний путь Алексея Капитоновича и Леонида Ивановича. Деревня будто осиротела без них и замерла в ожидании новых перемен.

УТКА-МАТЬ

Переплывала речку утка-мать с утятками — желтыми комочками. И мы на лодке вниз по реке. Скорость большая, по течению идем. Как она не слышала звук мотора? Газ сбавили, но мало что изменилось. Сила воды тащила лодку будь здоров. Утица испуганно смотрела то на летящую на них лодку, то на утят. Плыла сзади своих крошек, левым крылом подталкивая их к берегу. Слава богу, успели! Стало ясно, что бортом не коснемся мы уток. И они уже близки к бережку, река узкая. Совсем рядом спасительные кустики, ивняк. Шлеп! И желтый утенок — мячик — с писком летит в кусты. Шлеп — второй, третий, четвертый. Всех спрятала, а нам все не доверяет. Косит глазом в нашу сторону, хотя мы-то наблюдаем за шумным семейством, развернув головы назад. Поднялась уточка с воды, залетела далеко вперед и начала падать, крылья по воде тащить. Мол, ранена я, подранок. И раз, и другой повторяет свой хитроумный пилотаж. Уводит людей от дорогих деток. Лети, утица! Живи на счастье!

СКРИПУЧЕЕ ДЕРЕВО ДОЛЬШЕ ЖИВЕТ²

Жалилась³ жена мужу: «Поясницу прихватило, терпенья нет. Ночью шаркнуло⁴, едва утром с кровати сползла. Ты, — говорит она ему, — подтопи баню-то сам. А я прилягу на диване, не легче ли станет». Петру не в тягость. Воды, дров натаскал, лучину нащипал, да и затопил баню. Пошел домой, а впереди Анна

² Рассказ написан на местном наречии, более сгущенном, чем он нынче в употреблении.

³ Жаловалась.

⁴ Сильно кольнуло.

с беременен⁵ бежит. Спросил мимоходом, где, мол, Матвеевна, травкой такой разжилась, сочной да мелкой? «На запольках⁷, у овина. Там кулиги-то не все выкошены». И заспешила к своему двору, корова с поскотины пришла. Дома Петр сказал жене без задней мысли: «Анна Матвеевна с травой бежала. Беремя-то ее до земли клонит». Подождал с полчаса и ушел баню наметать⁸. Вернулся, жены нет. Подумал: «Куда это она так снялась?⁹» Два раза ходил он баню посмотреть, позже и трубу уж закрыл, а жены все не было дома. «Беда какая! Не случилось ли чего?» — приговаривал он и поглядывал в окно. Пошел Петр за веником для бани в сеновал и услышал тут голос жены с дороги. «Поди, ты, девка, ничего не наловили. Одну мелочь, только на вареву. Ребята и те больше добыли. Меев¹⁰ забрели в курьяшках¹¹». — «А у нас бродец¹² изношенный весь. И марли нынче нет в магазинах, так и сшить не из чего. У вас, вроде, баня сегодня топилась?» — «Вчера устали те с меевами-то все, да намерзлись. Задождило». — «Корница¹³ у тебя сделана хорошо. А у меня тот и корниц не делает, траву хоть веревкой носи». Поглядел Петр тихонечко, будто его могли увидеть, в оконце на дорогу. Стоит его женушка, вот уж с полчаса, с беременем травы за спиной в разы больше, как ему показалось, чем тащила на себе Анна Матвеевна. Стоит-постаивает, разговоры ведет. Сел Петр на топчан, задумался: «Откуда у баб сила берется? Верно, в народе говорят. Скрипучее дерево дольше живет». А за стеной на дороге стрекотали без конца.

⁵ Связка сена.

⁶ За деревней, за полями.

⁷ Маленький травяной участок в лесу на окраине луга.

⁸ Добавить дров в топку.

⁹ Ушла.

¹⁰ Мелкая рыбка.

¹¹ Залив, далеко вдавшийся в берег реки, озера.

¹² Полоса ткани или марли, используемая при ловле мелкой рыбы.

¹³ Черемуховая молодая поросль 1-2 м, крученая в виде петли для переноса травы, сена.

ЛИСЕНОК

Звал Юлий Клавдиевич к себе в напарники многих съездить с ним на рыбалку, к своей избушке у Выбора. Всем оказалось некогда. А что делать ему, пенсионеру? Недолго думая, собрал вещи и укатил на рыбалку один. Все бы ничего, да вечерами тоскливо. С утра настроение бодрое. Ставил сети, облавливал, чистил рыбу. Делал все не спеша, ходил медленно. Куда ему спешить? И стал он замечать, что ходит за ним по следу кто-то. Оглянется раз, оглянется два — нет никого. Видно, успеваешь за дерево спрятаться, юркий зверек. Стал оставлять на дорожках, по которым ходил, пропитание скромному гостю: хлеб, печенье, косточки мясные, рыбные. Обрато возвращается, ничего нет, все подобрано. Время шло. Чувствует Клавдиевич, что лесной невидимка все ближе стал подходить к нему, перестал бояться. Оглянулся! Так и есть, как думал, лисенок. Совсем детеныш. Поставил Клавдиевич с того дня чашу возле избушки для своего подопечного. Каждое утро с важным видом выходил и кормил лисенка. А потом отправлялись они вместе по рыбацким делам. Бывало, устанет Юлий Клавдиевич от ходьбы, присядет на пенек отдохнуть. Заговорит с лисенком о том о сем. А тот — ну гонять да кувыркаться! И столько в нем радости! Насмеется с ним Клавдиевич от души, будто силы в нем прибавится. Поднимется, скажет: «Ну, пойдем, Дружок». А сам подумает: «Желал ли я лучшего товарища себе? Вот чудо!»

Проезжали и мы на лодке по тем местам спустя время. Заметили лисенка на берегу. Сидит у самой воды, словно поджидает кого. Показалось, или он действительно с тоской смотрел на нас? Удивились, ему бы в лес от людей, а он за лодкой по берегу погнался. Странно! Приехали в Зубово, а останавливались мы как раз на квартире у Юлия Клавдиевича с Розой Васильевной. Чуть слышав разговор о лисенке, Клавдиевич оживился и рассказал нам всю историю. Не раз бывал он на рыбалке у Выбора и позже. Подросший уже лисенок встречал его, ласкался, как к самому дорогому человеку.